

Д.Д. Тарабанова (Москва, Россия)

«Книга Уризена» У. Блейка как видение: традиция и новаторство

Аннотация: В статье рассматривается отношение У. Блейка как поэта-романтика и создателя собственной мифопоэтической вселенной к конвенциям жанра видения. «Книга Уризена», первая из малых «пророческих книг» Блейка, раскрывает те новаторские черты, которые поэт привносит в жанровую традицию. Традиционная дидактическая сторона видений им отвергается; в своей поэме он скорее обличает и предупреждает, возвращаясь к истокам жанровой традиции – ветхозаветным пророческим книгам.

Ключевые слова: видение, Уильям Блейк, жанр, «Книга Уризена», традиция, пророческие книги

D.D. Tarabanova (Moscow, Russia)

William Blake’s “The Book of Urizen” as a Vision: Tradition and Innovation

Abstract: The article studies William Blake’s approach to the genre of vision and its conventions, viewing Blake as a romantic poet and the creator of his own mythopoetic universe. “The Book of Urizen”, the first one of Blake’s minor “prophetic books” reveals innovative features which Blake introduces to the tradition. Unlike medieval authors of visions, Blake emphasizes the importance of poetic imagination while keeping to his role of a medium and transmitter of the “supreme knowledge”. Although Blake focuses on sensual images (what is typical for the genre of vision), he makes the main character of the poem sensually unknowable, as if opposing him to his own narrative and the tradition of the genre in general. This unknowability of the character underlines Blake’s idea of the depravity and fatality of Urizen’s fate and his determination to destroy all vital existing oppositions, including the opposition of divine and human. Blake rejects the traditional didactic pathos of visions which is manifested, for example, by the fact that none of his characters has the absolute knowledge of the processes going around him. In his poem Blake rather condemns and warns, thus bringing us to the origins of the genre tradition – i.e., the prophetic books of the Old Testament.

Key words: vision, William Blake, genre, The Book of Urizen, tradition, prophetic book

Уильям Блейк (1757–1827) обладает прочной репутацией поэта-визионера. Сам он полагал, что при написании «пророческих» книг, создававшихся с 1789

по 1820 г., им руководили высшие силы. «Книгу Уризена», написанную в 1794 г., наряду с «Книгой Ахании» и «Книгой Лоса», относят к «малым пророческим книгам» Блейка, которые, по выражению Х. Блума, «излагают начала мифа; являются книгами Бытия и Исхода блейковской “Библии Ада”»¹.

В античную эпоху мы не найдем самостоятельных видений (хотя Н.И. Прокофьев, исследуя видения в древнерусской литературе, возводит этот жанр к античным сновидениям), а одни из самых ранних видений встречаются в Апокалипсисе, а также в некоторых апокрифах. Расцвет этого жанра приходится на Средневековье: в период с VI по XV в. было написано около 225 видений, причем постепенно они из нелитературных превращались в литературные. Позднее жанр начинает трансформироваться, возникают такие его поджанры, как куртуазное любовное видение (самый известный пример – «Роман о Розе» Гильома де Лорриса, сер. XIII в.) или философское видение. Постепенно жанровые конвенции видения становятся предметом осознанного, в том числе и профанирующего, использования и средством для создания аллегорий, как мы видим это у Дж. Чосера (1343–1400). «Божественную комедию» (~1308–1320) Данте часто рассматривают как апогей жанра видения, вершину его развития.

Для понимания средневековой традиции видений важно представление о том, что авторское начало в эту эпоху проявлялось не в создании чего-то нового, как виделось последующим эпохам, но в индивидуальной обработке знакомого материала, в особенностях использования заданной формы. Это в полной мере обнаруживается в средневековых видениях. Богатство и быстрое развитие их формы особенно оттеняется тем обстоятельством, что содержательная сторона долгое время оставалась практически неизменной у разных авторов. Это объясняется тем, что, во-первых, видение возникло как дидактический жанр, особенно важный на первых этапах распространения христианства. Дидактичностью обусловлено содержание произведений. Во-вторых, важно, что видение всегда возникало у человека, пребывающего в неустойчивом, переходном положении, будь то сон, галлюцинация, летаргическое состояние. Все это условия, не подлежащие проверке разумом, делающие человека особенно уязвимым. Поэтому критерием истинности полученных в видении знаний как раз служило их хотя бы частичное совпадение с «нормой», традицией, привычными представлениями. Так определялись видения, достойные быть записанными и рассказанными.

Хотя жанр видения принадлежит Средневековью, ощутимо его влияние на последующую литературу. В эпоху Возрождения как таковой он уже не представлен, но отдельные его элементы продолжают развиваться и переосмысляться. Реформация повышает интерес к слову Св. Писания, возможности его перевода и толкования. Появившееся в XVI в. движение анабаптистов, отрицающее церковную догму, настаивает на том, что помимо Св. Писания, Бог открывает людям свою волю через сны и видения. Я. Бёме (1575–1624), оказавший значительное влияние на Блейка, также был ясновидцем, объединявшим радикальные представления протестантизма, оккультные науки и веру в силу творческого воображения².

Опора на рассудочное познание и здравый смысл, характерная для эпохи Просвещения, была совершенно чужда Блейку. Как отмечает Н. Фрай, для представителей той эпохи память как «запас чувственного опыта и размышлений»³

¹ Bloom H. Blake's Apocalypse: A Study in Poetic Argument. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1963. P. 164.

² Frye N. Fearful Symmetry. A Study of William Blake. Princeton: Princeton UP, 1947.

³ Ibid. P. 163.

становится источником поэзии, воображение же служит лишь дополнительным украшением творческого процесса. Понятно, что такая концепция творчества была достаточно далека от сути пророческого видения Блейка. Однако уже современники Блейка, поэты предромантизма, создают произведения, близкие по духу как средневековым видениям, так и самому Блейку. «Ночные размышления» (*The Complaint, or Night Thoughts*, 1742–1726) Э. Янга и «Могила» (*The Grave*, 1743) Р. Блэра – поэмы, которые Блейк иллюстрировал и которые Н. Фрай называет «по своей сути апокалиптическими пророчествами»⁴.

С первых же строк «Книги Уризена» Блейк одновременно устанавливает связь с литературной традицией видений и предлагает новый взгляд на существующие жанровые конвенции. Поэма начинается с того, что Блейк обращается к предвечным силам, которые боролись с Уризенем и отринули его религию. Это обращение, с одной стороны, находится в рамках традиции: так, можно вспомнить моление Св. Духу в поэме Дж. Милтона «Потерянный рай» (*Paradise Lost*, 1667; 1674). Поэт особо подчеркивает, что предмет повествования – история грехопадения и изгнания из рая – обязывает его писать не только вдохновенно, но и правдиво, наиболее приближенно к истине. Можно сказать, что у Милтона звучит просьба о даровании ему пророческого знания:

And chiefly Thou O Spirit, that dost prefer
Before all Temples th' upright heart and pure,
Instruct me, for Thou know'st⁵...

Блейк во введении к поэме также призывает высшие силы «продиктовать» (*dictate*) ему их «темные видения» (*dark visions*). Выбор глагола здесь не случаен: по сложившемуся еще в средневековую эпоху представлению, пророк не только получает некое высшее знание, но и передает его в той же форме, т. е. его слову можно доверять именно потому, что оно буквально «продиктовано» свыше. Однако, в отличие от авторов средневековых произведений, которые на этапе формирования жанра записывали чужие видения и занимались в основном их литературным оформлением, Блейк мыслит себя творцом собственной мифопоэтической вселенной, раскрывает свой уникальный взгляд на природу добра и зла и мироустройство в целом. И уже в этом небольшом введении в поэму еще раз выражается указанная двойственность его положения: с одной стороны, рассказчик слышит призыв предвечных, и готов внимать им – в этом выражается его пассивная роль медиума, передатчика истины, высшего знания; с другой стороны, еще до обращения к предвечным он кратко излагает суть истории Уризена, словно задавая основную канву повествования и отыскивая в своем же собственном поэтическом воображении замысел того, что может быть полностью раскрыто только через общение с высшими сферами. Необычны и слова «не бойтесь» (*fear not*), в которых также выражается свободная воля рассказчика, его желание и готовность воспринимать сказанное. Он словно обещает предвечным, что достоин того, чтобы поведать ему эти тайны.

Действительно, визионер-повествователь в поэме Блейка не просто передает то, что ему «диктуют» предвечные – он проявляет свою творческую индивидуальность, поскольку восстановить и рассказать историю падения можно только благодаря его творческому воображению. В пятой книге Блейк показывает еще более сложную картину отношений между героями и повествователем:

⁴ Ibid. P. 168.

⁵ Milton J. *Paradise Lost*: www.literaturepage.com/read/paradise-lost.html (date accessed: 22.10.2021).

As glasses discover Worlds
In the endless Abyss of space,
So the expanding eyes of Immortals
Beheld the dark visions of Los,
And the globe of life blood trembling. (V.302–306)

В этом отрывке происходит сложный, многосторонний обмен видениями: визионер наблюдает в пророческом откровении то, что видят предвечные, а они, в свою очередь, наблюдают «темные видения» Лоса.

После того как во введении устанавливается связь с предвечными, первая глава открывается возгласом «вот», и видение словно разворачивается прямо перед нашими глазами. Выбор глагола «разворачивается» (*unfold*), представляющего повествование как некий свиток, также неслучаен: ощущение оживших, прямо сейчас происходящих событий встроено в более широкую рамку повествования о глубокой древности, о времени до сотворения материального мира. Этот образ еще раз подчеркивает двойственный характер отношений между предвечными и визионером: несмотря на то что вся история Уризена уже известна ему как нечто целое, как данность, только теперь она предстает перед его мысленным взором в деталях и в своем полном развитии. Интересно, что в V главе так описывается потеря Уризеном бессмертия: «*And now his eternal life / Like a dream was obliterated*» (V.267–268). Слово «забывать» (*obliterate*), восходящее к латинскому корню *litera* и дословно означающее «вычеркивать буквы», также связывается с образом свитка, на котором пишется история высших сфер. Все это придает повествованию масштабный, эпический характер, напоминая по своей глобальности замысел Милтона. Однако если Милтон действительно писал об известных каждому читателю событиях Св. Писания, хотя творчески их осмысляя и перерабатывая детали, то Блейк представляет совершенно нетрадиционный взгляд, непривычную картину, при этом подавая всё не как игру авторского воображения, но как древнюю, хотя и скрытую прежде от людей истину, как найденное им «апокрифическое» изложение человеческой истории.

Уже в начале поэмы, когда мы впервые видим тень Уризена, он кажется визионеру ужасной, потрясающей душу пустотой. Так задается еще одно противоречие, которое отделяет поэму Блейка от существующей традиции жанра. Для видения характерно то, что определенные понятия, образы из духовной сферы оказываются выраженными в чувственной, доступной для человека форме. И действительно, поэма Блейка наполнена такими чувственными образами, которые в контексте произведения приобретают символический смысл, оставаясь наглядными, – но никогда материальными или приземленными. Часто рядом с явлениями духовной сферы или абстрактными понятиями возникают зрительные ощущения («*swift winged words*» (Preludium), «*a Shadow of horror*», I.1), слуховые («*voices of terror / Are heard*», I.33; «*The roaring fires*», III.104), а также осязательные («*books form'd of metals*», II.68; «*In the flames of eternal fury*», III.110). При этом сам Уризен описан как нечто недоступное для восприятия, бесплотное, как пустота и отсутствие жизни: «*abominable Void*» (I.4), «*soul-shudd'ring Vacuum*» (I.5), «*unknown, unprolific*» (I.2), «*unseen*» (I.10, 19), или же как «*cold*» (III.149), «*dark*» (III.135), «*silent*» (I.27). Он непознаваем и неосязаем не только для визионера, но и для предвечных. Для самого Уризена, после того как он отделяет себя от Лоса, ночь становится мраком без сновидений.

Таким образом, Блейк для выражения своей идеи избирает жанр, который еще более подчеркивает противоестественность Уризена, его негативное, жизнеотри-

пающее начало. Уризен в книге Блейка – это демиург рассудка, ограничивающий энергию и запирающий ее в строгих формах, сковывающий мир «оковами из серебра и меди» («with rivets of iron & brass», IV.163). Эта идея передается не только образно, но и метрически: поэма написана трехстопным анапестом, который, по выражению Э. Острайкер, создает «механическую, подобную метроному монотонность повторяющихся действий и реакций»⁶. Ту же идею Блейк передает в изображениях, которыми иллюминирует текст поэмы: они часто строго симметричны, замкнуты в себе; повторяется образ сидящей или склоненной к земле фигуры.

Можно предположить, что пророческое видение рассказчика не может постигнуть «неизвестную и ужасную» (I.20) деятельность Уризена потому, что все его труды направлены на ограничение, установление рамок, они противны духу творчества, а значит, и вдохновенному прозрению визионера. Однако Блейк как автор сам вынужден облекать свои видения в рамки системы: сюжетной, образной, метрической. Как отмечает М.Т. Смит в статье «Сражаясь с образными системами Блейка», «мы не всегда можем провести четкую границу между теми действиями, которые вызывают падение, и теми, которые создают видение... Акты воображения должны принять определенную форму; если они остаются неопределенными, человек навсегда потерян в пустоте»⁷. Итак, в этом Блейк сближается со своим героем; их расхождение заключается не в самом факте построения системы, а в том, что это за система, какое мировоззрение она выражает.

Во второй главе Уризен объясняет свои мотивы и стремления – мы слышим его голос, рассказ от первого лица, и это единственный голос в поэме помимо рассказчика:

I have sought for a joy without pain,
For a solid without fluctuation
Why will you die O Eternals?
Why live in unquenchable burnings? (II.54)

Уризен хочет уничтожить противоположности, разрешить мучающий его конфликт жизни и смерти, радости и боли, избавиться от всего колеблющегося, неустойчивого. Он насаждает единую норму, правило, закон и этим, по мысли Блейка, лишает мир необходимой жизненной энергии, сковывает и парализует его.

Итак, Уризен создает форму, границу, т. е. весь доступный человеку чувственный мир, однако, стремясь избавиться от всех оппозиций, в том числе оппозиции божественного и человеческого, он лишает мир и самого себя не только энергии, но и возможности познания, замыкается сам в себе, обрекая себя на вечное одиночество. Именно поэтому Уризен и оказывается тем воплощением божественного начала, которое не может быть увидено, дано в ощущениях, познано, а потому человеку приходится быть запертым в чувственном мире, приходится лишиться творческого воображения, а следовательно, и жизненной силы. Визионер же обладает способностью выйти за пределы материального мира, не отвергая его, но с его помощью. Не случайно Бёме в трактате «Аврора» (Aurora, 1612) называет Бога «всевидающий, всеслышающий, всеобоняющий, всевкушающий, всеосязующий» («All-seeing, All-hearing, All-smelling, All-feeling, All-tasting God»⁸). Таким образом, обращение Блейка к жанру видения обусловлено не только тематикой,

⁶ Ostriker A. Vision and Verse in William Blake. P. 166 (Цит. по: Mellor Anne Kostelanetz. Blake's Human Form Divine. Berkeley: California UP, 1974).

⁷ Smith Mark Trevor. Striving with Blake's Systems // Blake and His Bibles. West Cornwall (Conn.): Locust Hill Press, 1990. P. 158.

⁸ Boehme Jacob. Aurora (Цит. по: Fischer Kevin. William Blake and Jacob Boehme: thehumandivine.org/2018/07/21/william-blake-and-jacob-boehme-by-kevin-fischer/ (дата обращения: 22.10.2021).

но и тем, что основные отличительные черты жанра способствуют раскрытию авторского замысла, показывают ограниченность и бесплодность того пути, по которому идет Уризен.

Определяя для себя, в чем заключается его роль как провидца, Блейк, несомненно, ориентируется на ветхозаветную пророческую традицию, особенно на книги пророков Исаяи и Иеремии. Как уже было сказано, в средневековую эпоху в ходе секуляризации жанра меняется характер присущей видениям дидактичности: моральная оценка описываемых событий, поучение или внушение теперь принадлежат авторам видений и зависят в большой степени от их собственной воли. Однако, как отмечает Г.А. Токарева, «поэт-романтик как раз стремится избежать секуляризации сюжета и сохранить религиозный характер видения, не выходя за рамки библейской стилистики. <...> Существенная трансформация жанра в творчестве Блейка нашла выражение в отказе автора от поэтики назидательного или куртуазного видения, что повлекло за собой расширение эмоционального диапазона, изменение пафоса произведения, укрупнение проблематики»⁹. При этом важной особенностью «Книги Уризена» является именно то, что рассказчик не передает события нейтрально, а определяет их через оценочные эпитеты, сравнения как ужасные, катастрофичные для мира и даже для самого Уризена. Более того, сам герой повествования размышляет над своими действиями и переживает их эмоционально: он надеется, разочаровывается и отчаивается. Лишены абсолютного знания и предвечные, хотя именно к ним и обращается визионер в начале поэмы.

Видение Блейка основано на проникновении внутренним взором в суть мироустройства, оно охватывает сразу прошлое, настоящее и будущее, предупреждает о том, к чему может привести избранный человечеством путь. Идеи эпохи Просвещения, эстетически чуждые Блейку, события общественной и политической жизни его времени в представлении поэта были следствием и реализацией того направления развития, которое избирает Уризен. В своей пророческой книге Блейк не столько определяет, каким должен быть мир и человек, сколько отрицает и отторгает то, каким он стал и каким еще может стать в будущем. Именно поэтому Блейку ближе те ветхозаветные пророки, которые обличали современных им властителей, тогда как образ Моисея, передающего людям скрижали Завета, возникает в связи с Уризенем и теми ограничивающими законами, которые он налагает на мир. «Every honest man is a Prophet he utters his opinion both of private & public matters / Thus / If you go on So / the result is So / He never says such a thing shall happen let you do what you will. a Prophet is a Seer not an Arbitrary Dictator»¹⁰, – читаем мы в «Маргиналиях к “Апологии Библии” Р. Уотсона» (Annotations to An Apology for the Bible, 1797) Блейка. Итак, обличительная сторона видений оказывается намного ближе Блейку, чем назидательная.

Таким образом, хотя Блейк и ориентируется на жанровую традицию видения, которую можно проследить от ветхозаветных времен и Средневековья до современной поэты эпохи, он переосмысливает некоторые ее аспекты, подчиняя их своему новаторскому и масштабному замыслу. В первую очередь эти преобразования связаны с проблемой совмещения свободной творческой воли поэта и по определению пассивной роли визионера. Общение с высшими сферами и творческое воображение для Блейка не противопоставлены друг другу, а связаны и взаимо-

⁹ Токарева Г.А. Мифопоэтика У. Блейка: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/tokareva-mifopoetika-blejka/videnie-i-prognochestvo.htm> (дата обращения: 22.10.2021).

¹⁰ Blake William. Annotations to An Apology for the Bible: https://blake.lib.asu.edu/html/Marginalia/M_watson.htm (дата обращения: 22.10.2021).

обусловлены. Так, осмыслить и передать полученное в видении откровение возможно, только если облечь его в форму художественного произведения. Было бы упрощением считать, что в «Книге Уризена» автор выступает противником всяких ограничений; сам жанр, к которому обращается Блейк, показывает, что для истинного ясновидца, или же поэта, доверяющего своему воображению, границы божественного и человеческого формируют не тюрьму для духа, а лестницу для его восхождения в познании.

Блейк также усложняет структуру своего видения, вводя в поэму, помимо сказчика-визионера, еще одного пророка, Лоса. При этом главный герой и деятель поэмы Уризен совершенно лишен способности предвидеть, даже в самом приземленном смысле, последствия своих действий, – он, поборник разума, создавший науку и «сеть религий». Кроме того, Уризен оказывается непознаваемым, непроницаемым для взгляда визионера, что напрямую связано с его желанием избавиться от мучающих его оппозиций, которые, по мысли Блейка, и составляют основу жизни.

ЛИТЕРАТУРА

Блейк У. Маргиналии к «Апологии Библии» Р. Уотсона: blake.lib.asu.edu/html/Marginalia/M_watson.htm (дата обращения: 22.10.2021).

Блейк У. [Первая] Книга Уризена: www.bartleby.com/235/259.html (дата обращения: 22.10.2021).

Блум Х. Апокалипсис Блейка: исследование поэтического дискурса. Гарден Сити, Нью-Йорк: Даблдей, 1963. 454 с.

Меллор Э. Уильям Блейк: божественный образ в человеке. Беркли: Изд-во Калифорнийского университета, 1974. 392 с.

Милтон Дж. Потерянный рай: www.literaturepage.com/read/paradise-lost.html (дата обращения: 22.10.2021).

Смит М.Т. Сражаясь с образными системами Блейка // Блейк и его библии. Западный Корнуолл: Локуст Хилл Пресс, 1990. С. 157–179.

Токарева Г.А. Мифопоэтика У. Блейка: lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/tokareva-mifopoetika-blejka/videnie-i-prorochestvo.htm (дата обращения: 22.10.2021).

Фишер К. Уильям Блейк и Якоб Бёме: thehumandivine.org/2018/07/21/william-blake-and-jacob-boehme-by-kevin-fischer/ (дата обращения: 22.10.2021).

Фрай Н. Пугающая симметрия: исследование Уильяма Блейка. Принстон: Изд-во Принстонского университета, 1969. 516 с.

REFERENCES

Blake W. Annotations to An Apology for the Bible: blake.lib.asu.edu/html/Marginalia/M_watson.htm (date accessed: 22.10.2021).

Blake W. The [First] Book of Urizen: www.bartleby.com/235/259.html (date accessed: 22.10.2021).

Bloom H. (1963) Blake's Apocalypse: A Study In Poetic Argument. Garden City, N.Y. Doubleday. 454 p.

Fischer K. William Blake and Jacob Boehme: thehumandivine.org/2018/07/21/william-blake-and-jacob-boehme-by-kevin-fischer/ (date accessed: 22.10.2021).

Frye N. (1947) Fearful Symmetry. A Study of William Blake. Princeton. Princeton UP. 516 p.

Mellor A.K. (1974) Blake's Human Form Divine. Berkeley. California UP. 392 p.

Milton J. Paradise Lost: www.literaturepage.com/read/paradise-lost.html (date accessed: 22.10.2021).

Smith M.T. Striving with Blake's Systems. In: Blake and His Bibles. West Cornwall (Conn.). Locust Hill Press. 1990, pp. 157–179.

Tokareva G.A. Blake's Mythopoesis: lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/tokareva-mifopoetika-blejka/videnie-i-prorochestvo.htm (date accessed: 22.10.2021).

Сведения об авторе:

Дарья Дмитриевна Тарабанова,
студентка
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Darya D. Tarabanova,
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
darya.tarabanova.01@mail.ru